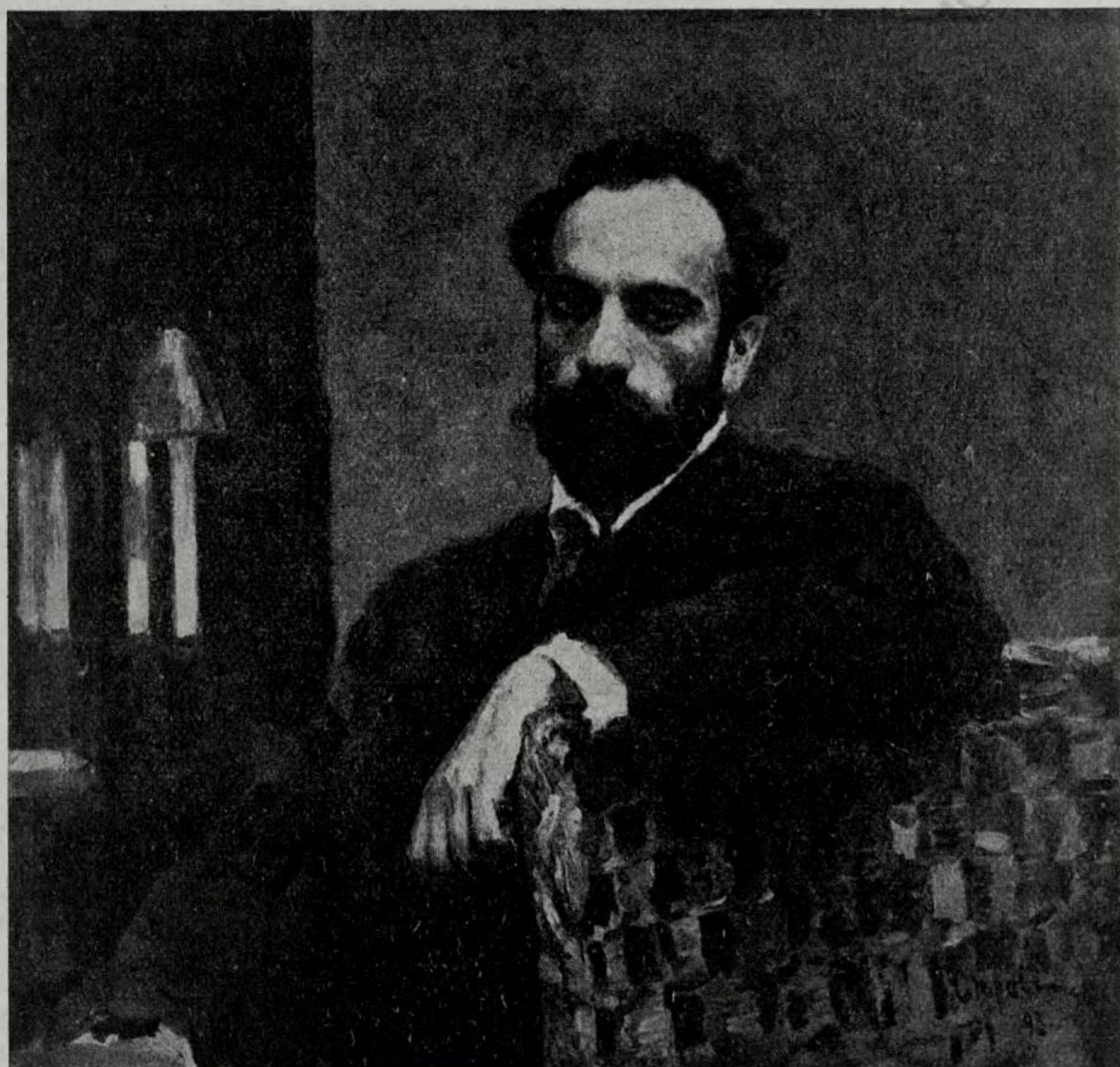

ШОРОВЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 11 1926 № 11

В. Суровъ

Портретъ И. И. Левитана

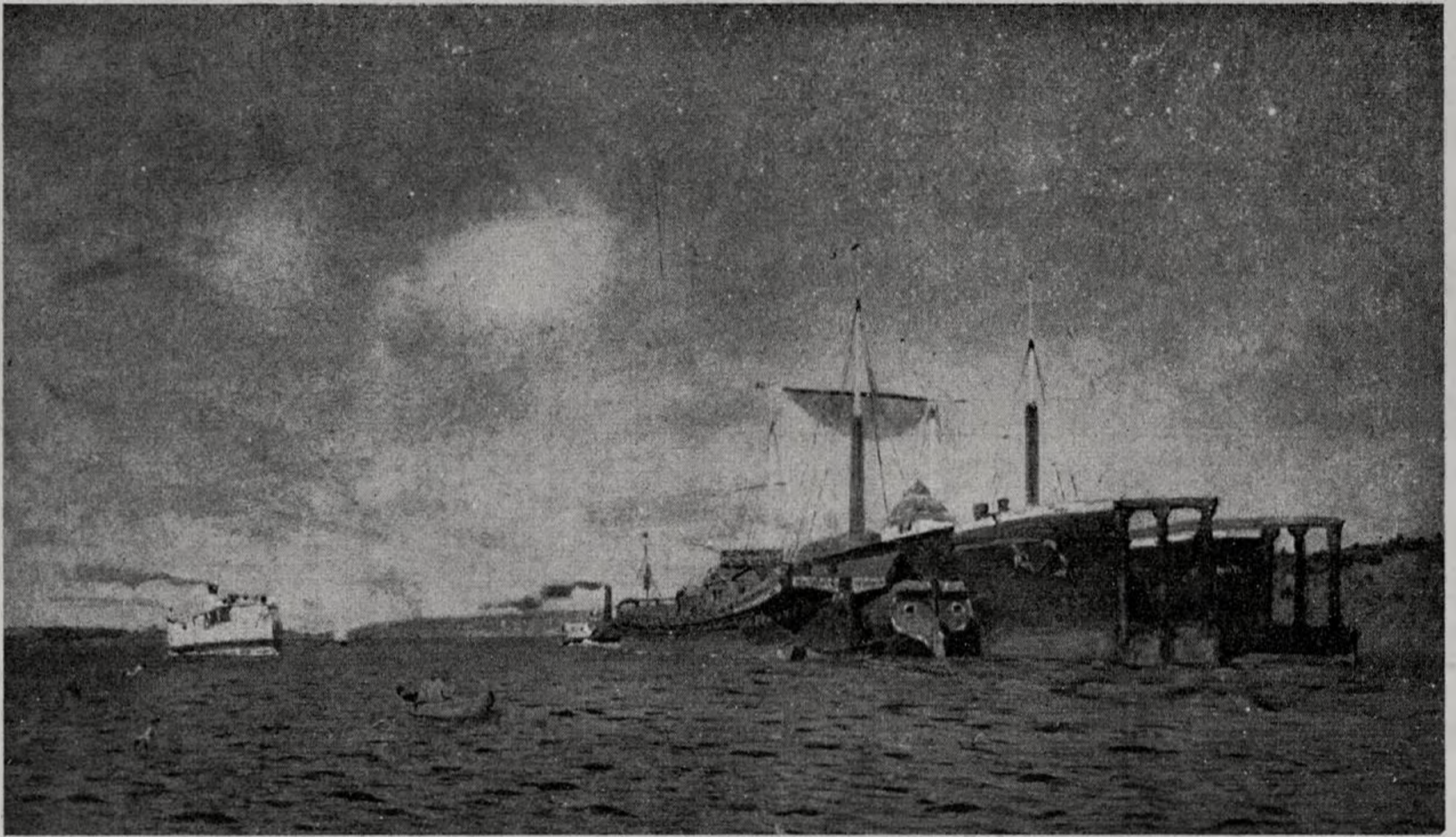
Н. И. МИШЕЕВЪ

И. И. ЛЕВИТАНЪ

I

Мы очень много говоримъ, пишемъ, что „смѣхъ — лучшее лекарство“, что „надо обращать вниманіе на свѣтлую сторону вещей... Мы, наконецъ, молимся: „духа унынія не даждь

ми“, считая духъ этотъ наиболее опаснымъ, но... „печалію согрѣта гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ“, а, по словамъ старика Гомера: „древніе поэты

И. И. Левитанъ

„Свѣжій вѣтеръ“

всегда плакались о судьбѣ человѣка“. Не поэтому-ли исторія поэзіи есть исторія человѣческой печали?.. Много-ли вообще „веселыхъ“ произведеній искусства? Мы сами, развѣ не готовы каждую минуту „задуматься съ тоской“, особенно, когда „воспоминанье предо мной свой длинный развиваетъ свитокъ“?..

Какая-то „трещина“ есть въ нашей духовной природѣ и, какъ мы ее не залѣчиваемъ, она даетъ о себѣ знать. Вотъ почему мы скорѣй откликаемся на все то, что вызываетъ въ насъ скорбныя состоянія души. Они ближе, „роднѣе“ намъ, чѣмъ радостныя. Мало того, мы оцѣниваемъ ими содержательность нашихъ ближнихъ. Какъ бабочка на огонь, мы „летимъ“ на все печальное, особенно, если оно преподносится намъ въ красивой формѣ. И, разумѣется, главнымъ образомъ, этимъ объясняется культъ у насъ тѣхъ художниковъ пера, кисти, рѣзца и звуковъ, что умѣютъ съ особенной силой ударить по искони минорно-настроеннымъ струнамъ души.

И. И. Левитанъ принадлежитъ къ такимъ художникамъ.

Скажите, кто изъ русскихъ, мало мальски интересующихся искусствомъ, не знаетъ его произведеній? У кого изъ насъ, при его имени, не является сразу цѣлый рядъ настроеній и переживаній опредѣленнаго характера? Онъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ художниковъ, самыхъ любимыхъ.

II

Одни поэты, какъ Пушкинъ, называютъ природу „равнодушной“. Другіе — Тютчевъ, говорятъ:

Не то вы мните, что природа,
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ!..
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ!

Тургеневъ опять иначе. Въ стихотвореніи „Природа“ онъ рисуетъ ее въ видѣ величавой женщины съ „желѣзнымъ лицомъ“, которой абсолютно нѣтъ дѣла до человѣка, для которой совершенно не существуетъ „добра, справедливости, любви“, словъ, придуманныхъ самимъ человѣкомъ. Онъ и блоха для этой природы равноцѣнны...

Философы учатъ: „неоспоримо вѣрно то, что, когда мы довольны и счастливы, природа улыбается вмѣстѣ съ нами; воздухъ кажется намъ цѣлительнѣе, небо яснѣе, трава зеленѣе, листва деревьевъ пышнѣе, цвѣты благоуханнѣе, пѣніе птицъ слаще, солнце, луна и звѣзды — прекраснѣе“. (Эмерсонъ).

Ясный и гармоничный Пушкинъ подтверждаетъ это, когда говоритъ:

И съ каждой осенью я оживаю вновь!
Здоровью моему полезень русскій холодъ,
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую
любовь...

Такія жизненныя чувства вызвала у великаго поэта тоскливая я, по общему мнѣнію, осень.

Какъ вы, читатель, лично думаете обо всемъ этомъ? На чьей сторонѣ правда? За кѣмъ вы готовы идти? Вотъ предъ нами творчество И. Левитана. Какъ вы принимаете его? Душа-ли только художника отразилась въ немъ, этомъ творчествѣ, или же одна русская природа? А можетъ быть и то и другое? Значитъ при-

рода имѣть свой „языкъ“? Почему же тогда „тоскливый“, „унылый“ языкъ осени вызывалъ у великаго поэта „любовь къ привычкамъ бытія“?..

Я не собираюсь давать отвѣты на всѣ эти вопросы, во первыхъ, потому, что это дѣло каждаго изъ насъ въ отдѣльности, а во вторыхъ, отвѣчать на нихъ не позволяютъ рамки настоящей статьи. Не могу только не замѣтить, что въ связи съ поставленными вопросами стоитъ, въ свою очередь, важный вопросъ: Дѣйствительно-ли И. Левитанъ нашелъ „чисто-русскій стиль пейзажа“, что утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи его творчества. (А. Бенуа).

III

По своему происхожденію И. Левитанъ — еврей изъ почтенной по дѣду раввинской семьи. Родился въ 1860 г.

Его родные переѣхали въ Москву, гдѣ скончались отъ тифа, и мальчикъ остался безъ куска хлѣба и крова.

Въ немъ рано проснулся художникъ. 12-ти лѣтъ отъ роду, по собственной инициативѣ, онъ поступилъ въ Московское училище Живописи, Ваянія и Зодчества.

Начались школьные годы. Упорная работа. Ужасная нужда. На 5 коп. жилъ весь день. Не имѣлъ собственнаго жилища. Ночевалъ тайкомъ въ школѣ. Занимался въ пейзажной ма-

стерской Саврасова. Врожденная любовь къ природѣ подъ вліяніемъ Саврасова разгорѣлась у талантливаго юноши яркимъ огнемъ. По недоразумѣнію былъ почти уволенъ изъ училища, не получивъ званія класснаго художника, а только дипломъ на званіе учителя рисованія и чистописанія...

По выходѣ изъ школы — работа, работа безъ конца, сопряженная съ страшной нуждой въ самомъ необходимомъ. Неудача на первыхъ шагахъ съ картинами, которыхъ „Передвижники“ не приняли на свою выставку (1884 г.). Къ счастью, дружба съ Чеховымъ, совмѣстная съ нимъ жизнь лѣтомъ. И вдругъ явно пробудившіеся приступы мучительной тоски, ненормальнаго, болѣзненнаго состоянія, часто совершенно необъяснимые... М. П. Чехова въ своихъ воспоминаніяхъ видитъ причину такихъ настроеній Левитана отчасти въ постоянномъ его недовольствѣ собой, оскорбленномъ самолюбіи, страстномъ желаніи большаго. Антонъ Павловичъ Чеховъ считалъ, что корень, источникъ подобныхъ настроеній лежитъ гораздо глубже и питается трагическими чертами человѣческаго духа вообще.

Приемлемы и одно, и другое объясненіе. Допустимо также и предположеніе С. Глаголя, что причину Левитановскихъ настроеній надо искать въ его сознаніи пошлости окружавшей жизни, съ чѣмъ онъ боролся, уходя въ глубь

И. И. Левитанъ

„Заросшій прудъ“

себя и тѣмъ очищаясь отъ этой пошлости. Мнѣ лично кажется, что, кромѣ всего этого, мучительная болѣзнь сердца, отъ которой художникъ умеръ, — (1900) г.), — 30-ти лѣтъ отъ роду, также имѣла здѣсь большое вліяніе, т. е. я имѣю въ виду причину и чисто — физиологическую. Для насъ, если хотите, важно констатировать самый фактъ тяжелаго, удручающаго состоянія души художника, печать чего мы видимъ на его произведеніяхъ.

Если мы примемъ все сказанное во вниманіе, соединимъ съ этимъ исключительную привязанность, „влюбленность“ Левитана въ природу и рядомъ поставимъ его громадный талантъ, вмѣстѣ съ жертвеннымъ служеніемъ искусству, то у насъ и будетъ та психофизиологическая основа, знать которую, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, необходимо, если мы хотимъ разобраться въ произведеніяхъ художника.

IV

Венеціановъ, Морозовъ, Шишкинъ, Клодтъ, Саврасовъ, Васильевъ и Левитанъ. Вотъ, такъ сказать, ступени развитія русскаго пейзажа, какъ онъ есть, пейзажа характера реалистическаго, при чемъ, нужно отмѣтить, что самый реализмъ этого пейзажа шелъ сначала только отъ внѣшнихъ формъ, и лишь у Саврасова и рано умершаго Васильева засверкала рядомъ съ такими формами подлинная жизнь русской природы. „Дохнула“ родная земля, и художники уловили, съумѣли передать ея „духъ“. „Грачи прилетѣли“ Саврасова и „Оттепель“ Васильева — одинъ изъ лучшихъ „документовъ“ русскаго пейзажа. Къ несчастью, первый художникъ сбился съ „пути истиннаго“ а второй — 23-хъ лѣтъ умеръ отъ чахотки.

На долю Левитана выпало продолжать ихъ работу и привнести въ нее нѣчто новое.

Что же именно?

Всмотритесь, хотя бы въ тѣ произведенія художника, репродукціи съ которыхъ помѣщены здѣсь. За исключеніемъ „Остатки былого“, вызывающемъ у васъ своимъ моремъ и развалинами представленіе о чужой землѣ, все остальное — это родныя картины, которыхъ вы часто видѣли, съ которыми сжились, которыхъ, наконецъ, незамѣтно для себя полюбили. Это русская природа безъ всякихъ прикрасъ.

Но этого еще мало. И пейзажисты — современники Левитана, и послѣдующіе художники, среди которыхъ были ученики и просто подражатели его, также писали и пишутъ русскую природу. Чѣмъ отличается отъ нихъ И. Левитанъ? Что именно цѣннаго для насъ мы находимъ въ его произведеніяхъ и чего или совсѣмъ нѣтъ у другихъ пейзажистовъ, или есть только намѣкъ, который мы характеризуемъ на ихъ картинахъ, какъ нѣчто „левитановское“?

Остановимся на нѣкоторыхъ его картинахъ и попробуемъ разобраться въ нихъ. Вотъ, напр., чудесная вещь „Вечерній звонъ“.

Прежде всего такой пейзажъ можно видѣть только въ Россіи. На небольшомъ мысу, омываемомъ чистой, свѣтлой рѣкою, среди лѣсовъ, которымъ краю нѣтъ, стоитъ бѣлый монастырскій пятиглавый храмъ старинной русской архитектуры. Виднѣются монастырскія постройки, легкая колокольня. Надъ монастыремъ развернулось небо, захвативъ и воду, и лѣсъ. На первомъ планѣ рѣдкая зелень, за нею песчаный берегъ съ пристанью для лодокъ, на одной изъ которыхъ сидитъ, сгорбившись, женская фигурка. Заходящимъ солнцемъ озарены монастырь, лѣса, небо.

Это сюжетъ картины, мотивъ такой знакомый, такой знакомый...

Но дѣло не въ немъ. Тихая радость наполняетъ вашу душу при взглядѣ на „Вечерній звонъ“. Откуда она? На какихъ крыльяхъ слетѣла?

На крыльяхъ поэзіи, т. е. того начала нашего духа, которое, съ одной стороны, вызываетъ въ нашей душѣ миръ, тихую радость, а съ другой — и печаль, какъ результатъ смутнаго сознанія, что мы лишь „мимоходомъ“, „случайно“, „неожиданно“ можемъ быть причастны этому миру. Поэзія только напоминаетъ о немъ, какъ о реально существующемъ „бытіи“, копіей котораго является наша жизнь. Это подлинное „бытіе“ видятъ только поэты и въ своихъ радостно-тоскующихъ видѣніяхъ, какъ отблескахъ его, показываютъ намъ, поднимая и въ насъ самихъ рой чувствъ, гдѣ печаль и радость идутъ рука объ руку.

„Вечерній звонъ“ написанъ Левитаномъ въ тѣ часы, когда „тревога сердца его смирилась“, когда глубокое поэтическое чувство его было охвачено слетѣвшей съ неба тихой радостью, и онъ поспѣшилъ это свое чувство запечатлѣть въ краскахъ, но непременно такихъ, которыя бы „звучали“, пѣли о томъ, чѣмъ полна была его душа. Отсюда и такое странное для картины названіе: „Вечерній звонъ“. Развѣ можно звонъ колоколовъ передать въ краскахъ?! Но взгляните въ нашу картину и... вы услышите „звонъ вечерній“ и въ этомъ легкомъ, прозрачномъ воздухѣ, и въ этомъ ласковомъ небѣ, и въ далекихъ лѣсахъ, гдѣ „звонъ спрячется“ и, наконецъ, въ монастырѣ, зовущемъ своими колоколами на молитву. Картина „звенитъ“, „поетъ“, трогаетъ своей „мелодіей“, которая звучитъ уже въ вашей душѣ, гдѣ вдругъ пробуждаются давно забытые „пѣсни“, „дни“, „мѣста“... „И вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко“...

Но Левитанъ, въ силу цѣлаго ряда психическихъ и даже физиологическихъ качествъ, причинъ характера своего, жилъ больше и даже исключительно въ „объятіяхъ“ печали, нежели радости, почему и поэтическое чувство его питалось, главнымъ образомъ, первой. Она именно смотрѣла чаще ему въ глаза, требуя выраженія, отсюда и господство въ его произведеніяхъ мотивовъ, уже печальныхъ, тоскливыхъ самихъ по себѣ. Въ этомъ отношеніи знаменитая картина „Надъ вѣчнымъ покоемъ“

И. И. Левитанъ

Вечеръ „Золотой Плесь“

можетъ быть признана самой типичной для художника.

На небольшой горѣ ветхая „клѣтцкая“ церковь. Вокругъ могильные кресты. Внизу сѣрая рѣка. Кругомъ однообразная, необъятно — плоская равнина. Надъ всѣмъ хмурое, тяжелое небо съ небольшими просвѣтами.

Всю свою тоску, боль, скорбь по неудавшейся жизни, какъ личной, такъ и тѣхъ, кто покоится подъ этими могильными крестами... Все безсиліе челоуѣка предъ этой „равнодушной“ природой... высказалъ Левитанъ на своей картинѣ. И больно смотрѣть на нее, и въ то же время притягиваетъ она къ себѣ, оторваться нельзя... Не потому-ли, что ваши „далекія“ мысли, чувства вдругъ воскресли въ ней?.. Откровенно съ вами заговорила ваша душа. Чего прятаться отъ самого себя?..

Мотивъ пейзажа безконечно усиленъ здѣсь художникомъ, отдавшимъ ему свое настроеніе. Обычный пріемъ Левитана, необходимый для него въ силу душевнаго склада. Всѣ картины художника говорятъ объ этомъ. Можетъ создаться впечатлѣніе, что его живопись есть не столько живопись пейзажа, сколько — настроеній, для которой пейзажъ былъ только предлогомъ.

Однако, мы не говоримъ этого, потому что видимъ въ этой живописи нѣчто опредѣленно родное, русское, и надо удивляться, какъ еврей, по происхожденію и вѣрѣ, постигнулъ и выразилъ все типично — русское. Вѣдь эти „Заросшіе пруды“, „Мельницы“, „Тихія обитатели“, „Ветхіе дворики“, „Избы“, „Озера“, „Омута“, „Большія дороги“, виды „Сѣвера“, картины „Марта“ съ пробуждающейся природой и пр. и пр. — все это можно видѣть только въ Россіи, и мы съ вами ихъ видѣли, но не... увидѣли

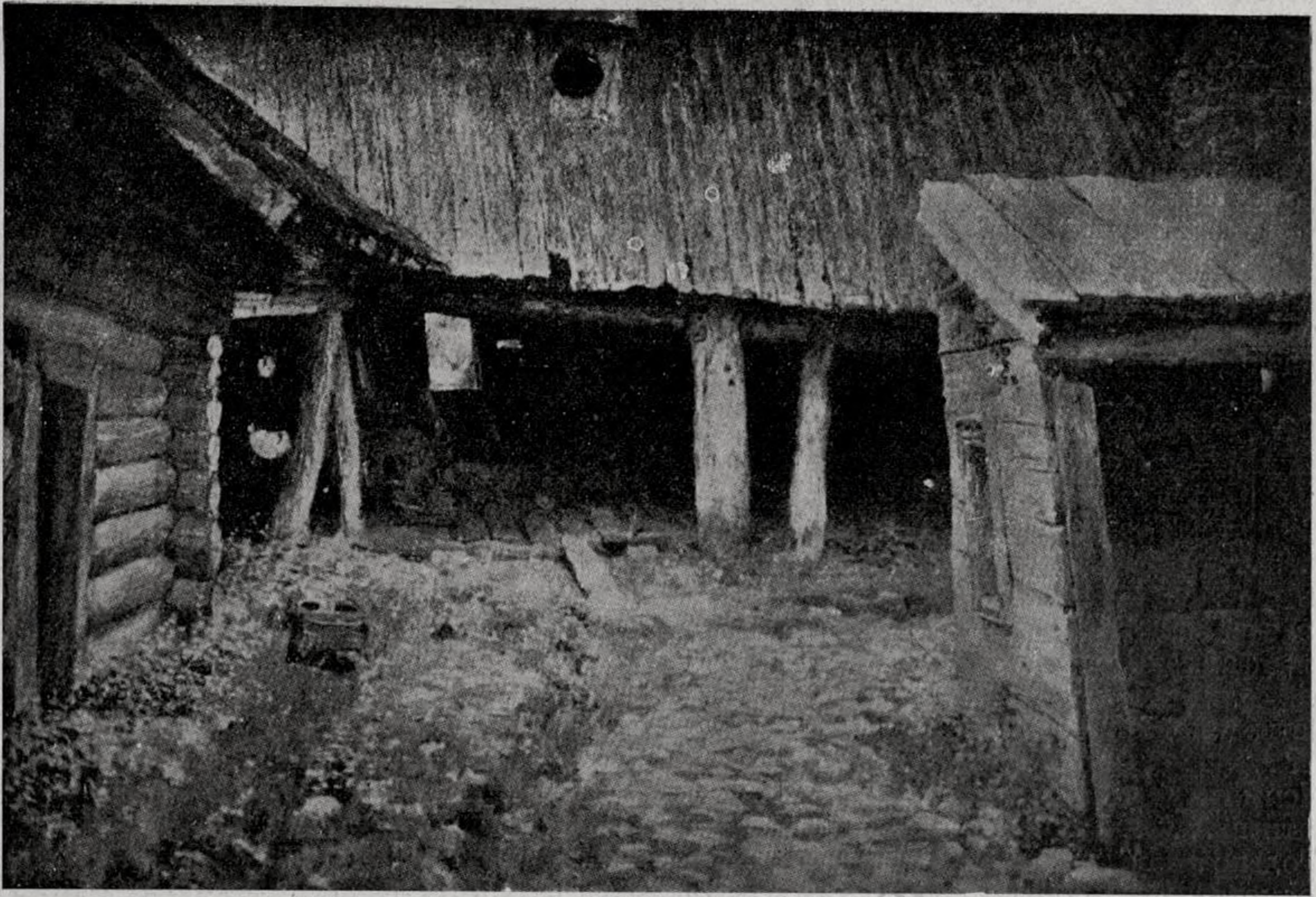
того, что подсмотрѣлъ художникъ — именно: своеобразную прелесть этихъ мѣстъ, гдѣ тишина, просторъ, заброшенность ужились мирно съ скромной улыбкой и печалью, полной недоумѣнныхъ вопросовъ, на которыхъ она, не находя отвѣтовъ, часто переходитъ въ „длинную“ тоску, о чемъ такъ часто поетъ въ русской стариной пѣснѣ „добрый молодецъ“, не зная, кому „повѣдать печаль свою“...

V

Разсматривая послѣднія работы И. Левитана, мы видимъ, что художникъ все болѣе интересуется сюжетами, которые сами по себѣ цѣнности не представляютъ. Какая-нибудь развалившаяся изба, поломанный заборъ, заброшенный дворъ, „Дорожка“ его занимаютъ безконечно больше, чѣмъ „достопримѣчательность“ съ завѣдомо „красивымъ видомъ“.

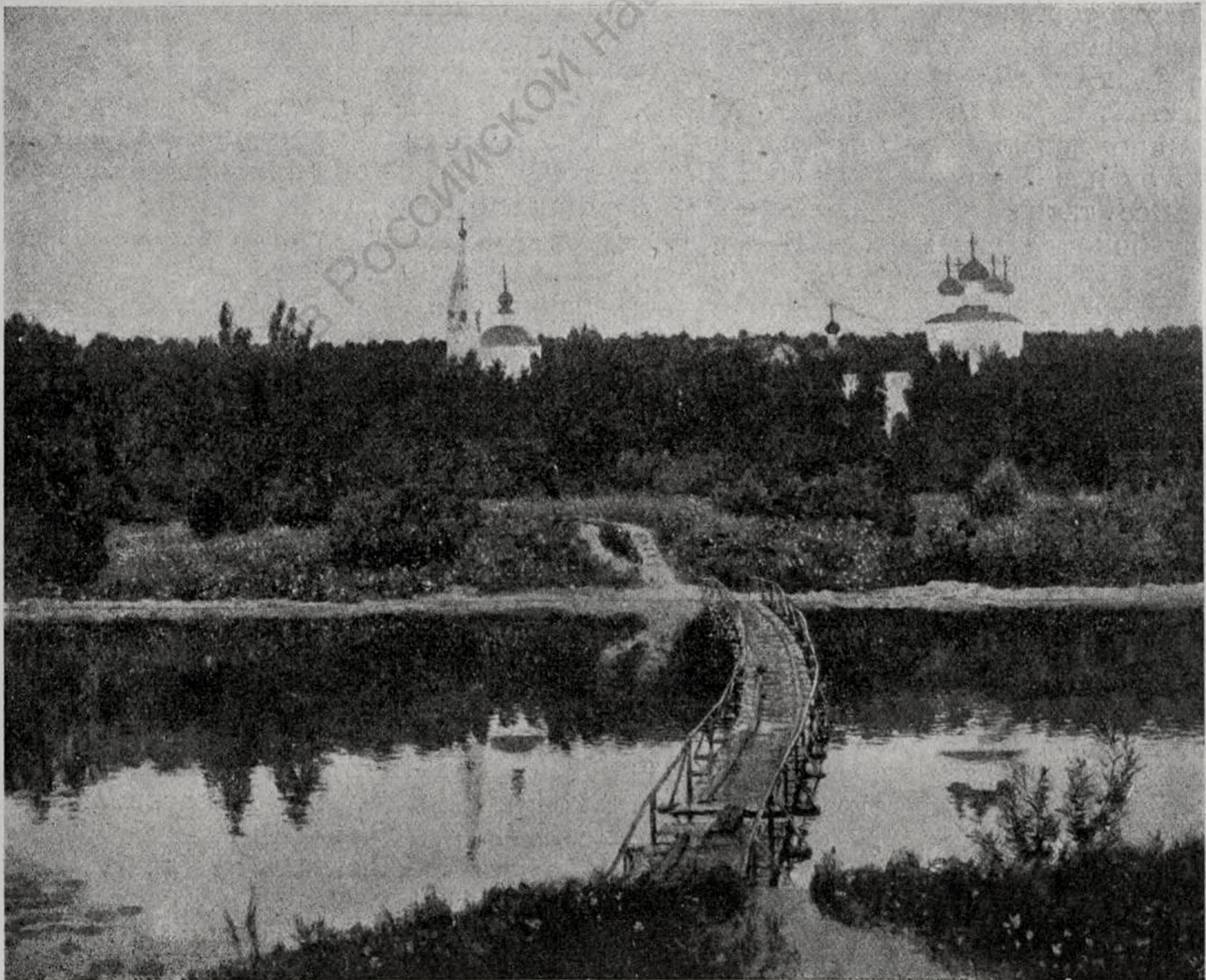
Въ этомъ надо видѣть лишь ростъ таланта художника. Для него въ искусствѣ становится самымъ важнымъ какъ изображать, а не что. Здѣсь большая заслуга Левитана. Онъ указалъ новый подходъ къ пейзажу. Въ связи съ этимъ художникъ принялъ и новую манеру письма, къ которой, онъ, разумѣется, перешелъ не вдругъ, а постепенно. Сравнивая, напримеръ, его „Заросшіи пруды“ (1887 г.) съ „Озеромъ“ (1899 г.) и „Дорожкой“ (1899 г.), мы замѣчаемъ, что художникъ перестаетъ выписывать каждый листокъ, травку. Его кисть, мазокъ дѣлаются импрессионистичнѣе, а потому и ярче по краскамъ, производя больше впечатлѣнія. Нечего удивляться, что русской пейзажъ многимъ обязанъ И. Левитану. Его вліяніе замѣтно на работахъ многихъ художниковъ.

Н. И. Мишеевъ

И. И. Левитанъ

„Ветхий дворикъ“

И. И. Левитанъ

„Тихая обитель“

И. И. ЛЕВИТАНЪ

„НАДЪ ВѢЧНЫМЪ ПОКОЕМЪ“

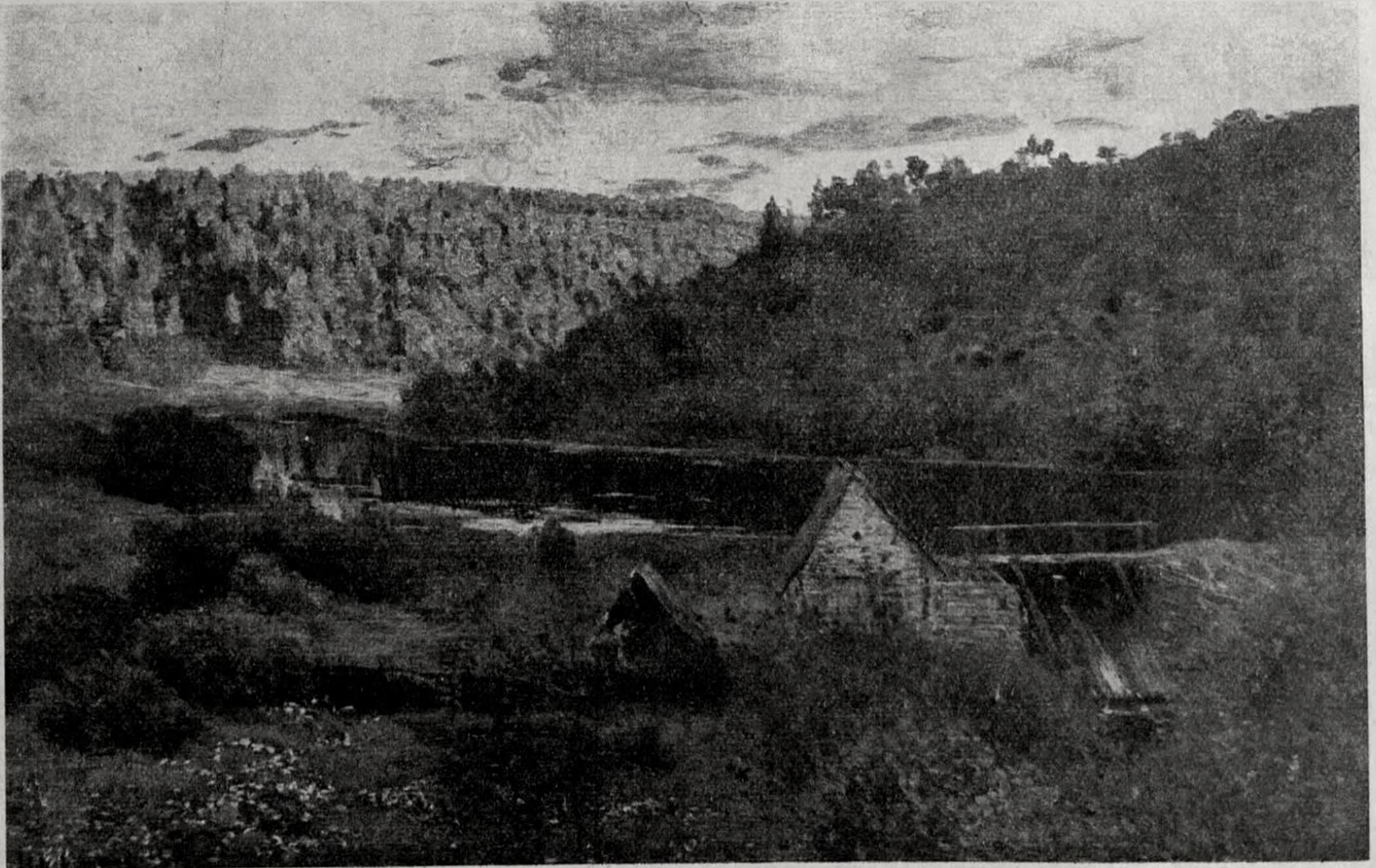
Обѣдъ былъ царскій — отбивныя котлеты, куры, борщъ съ пупками, съ печенками, пломбиръ, печкинскія сливы съ индюшечье яйцо, и — брага, вродѣ самогона. Жрать хотѣлось, но въ этомъ домѣ я не тронулъ ни кусочка: дожирали стариковъ моихъ, прошлое въ меня глядѣло. Я сослался на строгую діету, — пробить кишечникъ! — ржаные сухари да рѣдка, да полосканье спиртомъ. Очень удивились и дали рѣдки. Грызъ ее и плакалъ, подѣ примочку. Думалъ, какъ бы стариковъ увидѣть. Къ доппингу прибѣгнуть? Нѣтъ вѣрнѣе. И не ошибся. Они исправно жрали. Я подгонялъ на брагу, спиртъ въ резервѣ. Крѣпокъ я на спиртъ. Они совѣли. Я предлагалъ за Коминтернъ, за „міровую“, за особь... Ситикъ былъ въ развалѣ, галчонокъ копошился, зеленѣлъ, овцой воняло отъ его кожанки. Я развелъ имъ, по-сибирски, на 70, долилъ горячей, „по рецепту...“ — назвалъ я имя, — галчонокъ встрепенулся, — и мы хватили! У „Яснаго“ глаза запѣли въ небо, Ситикъ подавился. А я — подѣ рѣдку. Поднялъ хлысть — „даешь Европу“ — и мы хватили, безъ отказа. Галчонка завертѣло отъ „европы“, онъ поднялся, зацѣпился шпорой. Я слышалъ только — „о, товарищъ...!“ — Куда-то утащился.

— „Вы... прикажите... лошади всегда... а я...“ — Ситикъ ушелъ куда-то.

„Очи“ задремали. Я былъ свободенъ. Прощель по дому. Комнаты — пустыя. Сухая пальма, клѣтка безъ попугая, прострѣленный портретъ митрополита въ углу — мишень. Яблоки

гнилыя грудой, пузыри бычачьи — плавать. Комнатка „пѣвуньи-канарейки“. Одна кровать, матрасъ залитый, скоробленные сапоги, въ грязи, бабій платокъ глазастый, гребень, мыльная вода въ тазу, скверный запахъ помады кислой... „Канарейка“, Паша..! Розовая ленточка у изголовья, — отъ образка осталась. Я пошелъ. Спальня Марьи Тимофевны, пустая комната, видно по стѣнѣ, гдѣ былъ кіотъ, — сосна свѣтлѣе. Черные шнурочки съ потолка, пятна на полу — отъ пролитой лампадки. Въ воздухѣ остался запахъ — пролитой печали..? Внуковъ комнату увидѣлъ, съ кружками цѣли, углемъ, съ пультками въ соснѣ отъ монтекресто, и вспомнилось, какъ дѣдъ серчалъ, потомъ махнулъ рукой. Стрѣльбѣ учились, лѣтомъ, — война была. Здѣсь жила надежда старика: „оставлю дѣло, молодые будутъ...“ Изсякли крови былого ярославца, ярославки свѣтлой. Лица вспомнилъ, свѣтлые глаза... Тамъ, храпятъ, другіе, пьяные глаза... „молдованъ грузинскій“, аптекарь съ пушкой... наслѣдники! А чортъ... Въ уголь пустой смотрѣлъ я, гдѣ спали внуки, мальчики — кровати изголовьями смыкались. „Ну, такъ и будетъ?“ — спросилъ я въ уголь, — „безоплатно..?“ Уголь этотъ раздвинулся, во всю Россію для меня, въ пустое... отвѣтилъ жутью. Въ открытое окно я видѣлъ садъ, уснувшія деревья, яблоньки кривыя, точки яблочкѣ рѣдкихъ... и синичка близко гдѣ-то, за окномъ, пищала, осенняя... Я поклонился въ уголь, пошелъ.

Вышелъ въ садъ. Недреманое око спало.

И. И. Левитанъ

„Мельница“

И. И. Левитанъ

„Озеро“

„Помѣщикъ“ появился, капитанъ хромой, — съ приглядкой.

— „Вы помѣщикъ, съ юга? — спросилъ я. Онъ потерялся, съежился, заерзалъ...“

— „Я-сь...? Собственно... въ былое время... мевкій“ ...“

Жалко мнѣ стало ёрзу эту человѣчьяго загона. Я имъ объяснилъ, что знаю, что агрономъ мой другъ... Пошли садами. И яблоньки ходили съ нами, говорили мнѣ о прошломъ, трещины казали, дупла, знакомые изломы. Соки въ нихъ ходили, старые, былые. Яблочки всѣ тѣ же—анись и боровинка, въ алыхъ жилкахъ, коричневое, въ точкахъ, коробковка, скрыжапель, антоновское—зелень, китайка—золотая осень. Я слышалъ голосъ, мягкій, ласковый, пѣвучій: „кушай, Мишанька, сиротка ты моя болѣзная... на-ка вотъ, сладкое...“ Я помнилъ ласковую руку,—и столько было солнца...

Теперь—мы, трое, безъ причала, хитрили, укрывались, жались. Кругомъ травили — ату! ату! Лисій хвостъ вертѣлся, дрожалъ зайчинный. И — сонно огрызался медвѣдь въ берлогѣ, — рогатиной пыряли. А человекъ... Гдѣ же — человекъ-то?!

— „Хозяева — на скотномъ? Я дорогу знаю, Не безпокойтесь, господа... и, вообще, не без-

покойтесь: — сказалъ я капитану. — Я здѣсь — свой. Плохо живутъ?“

— „Позоръ!“ — вдругъ крикнулъ капитанъ. „Я два раза раненъ, двѣ кампаніи... и такъ позорно..!“

Слезы у него прошибло.

— „Кричатъ какъ на мальчишку... Утромъ — рапортъ... сливки приношу... пѣночки..“

Онъ затопалъ, заплевался, — заковылялъ куда-то.

„Помѣщикъ“ затаенно засопѣлъ:

— „Кошмаръ! Если бы вы выдави...“

Онъ пошелъ къ сараямъ, а я — на скотный.

IV.

Вотъ и скотный дворъ, навозъ и — мухи, мухи. День былъ погожій, мухи разгулялись. Нашатырнымъ спиртомъ пахло изъ сараевъ, — старымъ спиртомъ. Флигелекъ-людская осѣлъ въ навозѣ, крыша золотилась ржавью, низкія оконца — перламутромъ. Рябина разрослась, обвисла. Лазилъ бывало, на нее, смотрѣлъ на прудъ, какъ утки лущатся носами, бредутъ коровы, молоко несутъ, — сочится, каплетъ. Хвостами машутъ мухъ. А мухи на рябинѣ—тучатучей...

И сталъ я мальчикъ Миша. Иду къ Мат-

— Вѣра Константиновна... Хорошая она... На рукахъ носилъ... Господи... Бывало, прибѣжить въ садъ и уцѣпится за бороду... Уцѣпится и тянетъ... Смѣется... Потомъ вдругъ сядетъ возлѣ меня, и чтобъ я сказки ей, значить, рассказывалъ... Иногда изъ дому папиросочку стащить и мнѣ принесетъ... Такъ и выросла она... Большая стала... Въ Питерѣ училась... Изъ столицы трубку мнѣ привезла... Вотъ она, — и старикъ дрожащими руками началъ вытаскивать изъ кармана. — Нѣтъ сейчасъ, дома оставилъ...

— Послушай, Артемъ, — перебилъ я, наконецъ, его, да вѣдь барышня Корсаковская уже лѣтъ пятнадцать, какъ умерла...

— Умерла, умерла... Помню... Привезли ее изъ Италіи... Не узналъ... Только глаза горятъ... „Умираю, Артемъ“, говоритъ мнѣ. — „Зачѣмъ, барышня, — отвѣчаю, — живите...“ — А самъ, самъ плачу... Умерла... Передъ смертью меня позвала: — „Сторожи меня, Артемъ, — говоритъ, могилу мою сторожи... Буду сердиться на тебя,“ — а сама смѣется, такъ и смѣется. — „Слѣдить буду за тобой, вѣрно ли сторожишь“... Похоронили...

— Что же, она слѣдить? — осторожно спросилъ я умолкнувшаго старика.

— Какъ же, какъ же... вдругъ странно заторопился онъ. — Слѣдить... Только вы никому объ этомъ не говорите... Не нужно.

Пускай народъ не пугается... Какъ же... Видите ли вонъ тамъ окно? — и старикъ показалъ мнѣ большое окно, находящееся на самомъ верхнемъ этажѣ. Это окно не было забито досками. — Тамъ, оттуда барышня, — продолжалъ онъ, каждую ночь слѣдить за мной. Стучить, чтобъ я, значить, помнилъ свое дѣло... Ну, да я хорошо смотрю... До сихъ поръ ни одной ночи еще ня пропустилъ...

Артемъ снова умолкъ. Я смотрѣлъ на окно, которое въ это время было ярко освѣщено луннымъ свѣтомъ. Вдругъ гдѣ то пропѣлъ пѣтухъ. Старикъ поднялся.

— Иду стучать, сказалъ онъ. — Барышня уже наверху. Будетъ сердиться. Прощайте.

И Артемъ медленно пошелъ къ дому. Но что это? Ясный, отчетливый звукъ стекла, въ которое чѣмъ то бьютъ, пронесся въ воздухѣ. Я вскочилъ съ мѣста. Звукъ повторился. Какая то фигура показалась у самага дома, и знакомый мнѣ стукъ уже въ деревянную доску огласилъ всю площадку...

Я пошелъ изъ парка. Было уже довольно поздно. Подойдя къ воротамъ усадьбы, я остановился и прислушался. Мѣрные, мертвящіе и сухіе звуки неслись изъ глубины забытаго сада. Это стучалъ „старый Артемъ“, сторожа свою барышню.

Н. Хоревой

И. И. Левитанъ

„Избы“

съ измѣнникомъ, а дома все топтался около матери, прижимался къ ней, какъ совсѣмъ, совсѣмъ маленькій, говорилъ съ ней о судомойкиномъ сынѣ, оставшемся въ деревнѣ, о покойномъ садовникѣ Ливонушкѣ, о двухъ тополяхъ передъ террасой деревенскаго дома, которые, давно ли, были совсѣмъ такіе... Дима чуть чуть приподнималъ ладонь надъ своей головой... а теперь уже вотъ какіе... и Дима пальцами вверхъ вытягивалъ руку... Мать внимательно поддерживала разговоры, было ясно: Дима отъ тяжелой дѣйствительности искалъ забвенія въ прошломъ. Еще нѣсколько лѣтъ пролетѣло. По Большому Проспекту на Петербургской сторонѣ красноармейцы гнали толпу юношей, бѣлокурыхъ и темноволосыхъ, блѣдныхъ какъ смерть, и съ несбѣжавшимъ еще съ щекъ румянцемъ, юнкеровъ... Дима, за два дня до того по болѣзни отпущенный съ фронта, стоялъ на тротуарѣ среди сотенъ другихъ и смотрѣлъ. Рядомъ съ нимъ полная женщина въ ватной кофтѣ и платочкѣ на головѣ часто крестилась, что то приговаривала, и вдругъ, умолкнувъ, повернулась къ нему, и крѣпко сжала его локоть... „Чего не хочешь, милый, чего...?“ И, подталкивая впередъ вывела изъ тѣсной толпы. Такъ довела домой, гдѣ мать въ траурѣ по мужѣ укладывала, укрывала, и какъ та женщина въ платочкѣ, повторяла: „Чего не хочешь, милый, чего...“ И тоже отвѣта не ждала.

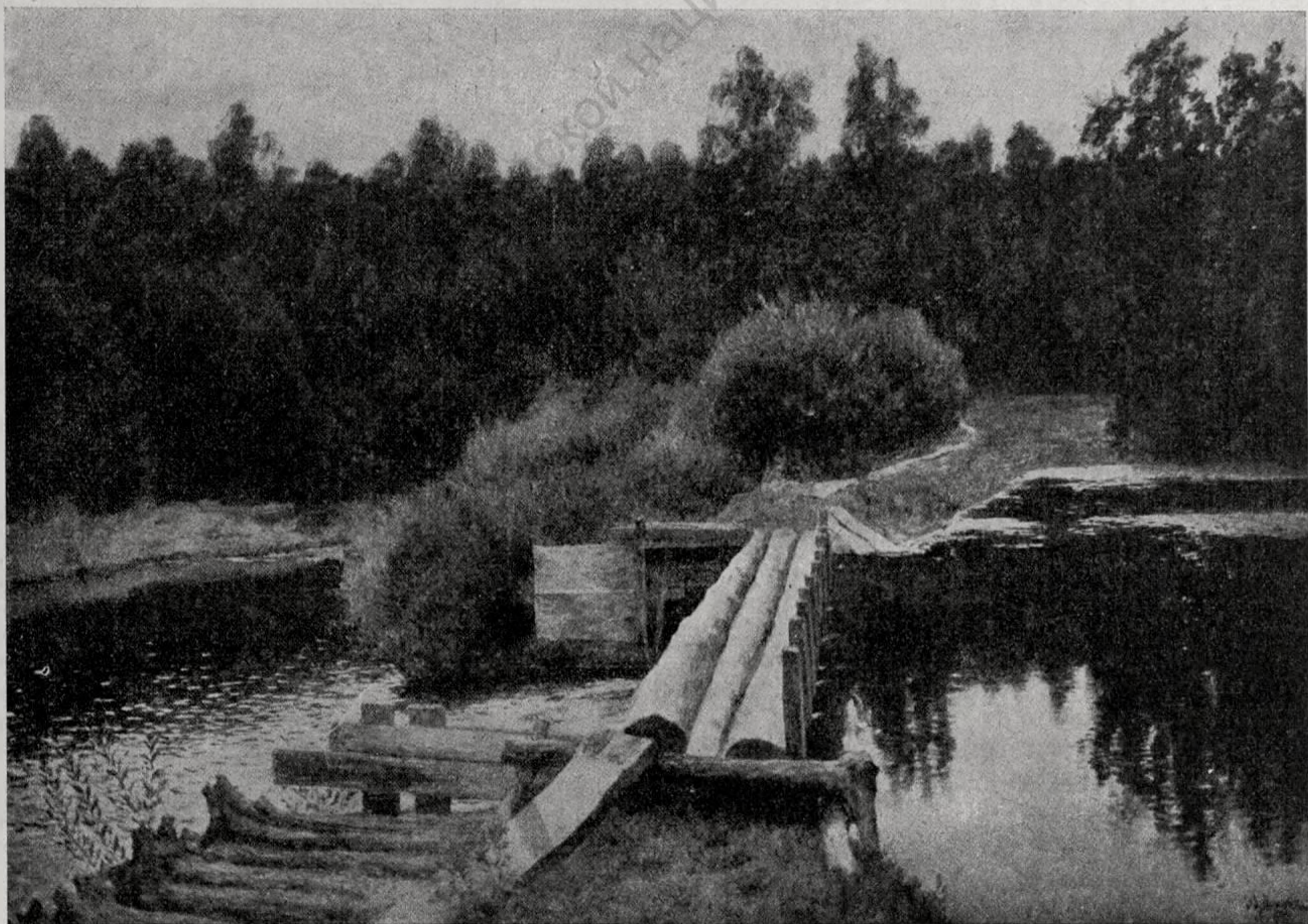
Отъ долгой болѣзни мать выходила, и насто-

яла... тутъ же Димино „не хочу...“ съумѣла заглушить... на югъ отправила, къ друзьямъ надежнымъ. И кануль Дима, какъ въ воду...

Когда, три года, для матери три вѣка спустя— вѣтеръ попутный занесъ въ квартиру на Каменно-островскомъ смятый листокъ, исписанный Диминой рукою, мать едва на него взглянувъ, на второй строкѣ прочла „я не хочу“... И дальше опять, и еще — „не могу“... Дима многого не хотѣлъ и не могъ... узнала она изъ его письма. А писалъ онъ въ дни жестокой гражданской войны на югѣ Россіи, гдѣ одно правительство смѣнялось другимъ, и одни облеченные законной властью палачи другими... И оттого, что Дима не хотѣлъ и не могъ, онъ рѣшилъ уѣхать за границу, гдѣ...

Дальше не дочитала, и ея, совсѣмъ такое, какъ Димино „не хочу, не хочу“... услышала только сестра Димы, та самая, что когда то фальшиво, а теперь совсѣмъ хорошо играла на рояли... Такъ хорошо, что въ кинематографахъ подъ самыя трагическія и самыя комическія картины наигрывала, и еще тапершей звали въ танцульки и она ходила, а возвращаясь домой, говорила много, громко, шумно переодѣвалась и, матери не глядя въ глаза, рассказывала: „Да, что же... Такъ танцуютъ, всякіе тамъ... конечно, не виконты и не маркизы...“

Въ одинъ такой вечеръ, когда тонколицая, сѣроглазая, бѣлокурая сестра Димы въ закурен-

И. И. Левитанъ

„У оута“

И. И. Левитанъ

„На Сѣверѣ“

ной заплеванной „танцулькѣ“ въ Кузнечномъ переулкѣ, не поднимая глазъ съ клавиатуры, наяривала фокстроты и дшимми для не виконтовъ и не маркизъ, Дима шель крутой горной дорожкой изъ Гослара въ Лаутенбургъ, гдѣ уже полгода работалъ шахтеромъ. Въ Гарцъ попалъ онъ изъ Кенигсберга, а въ Кенигсбергъ рабочимъ на аэродромѣ увезъ его знакомый летчикъ изъ Варшавы . . .

Дима провожалъ товарища, тоже русскаго, тоже бывшаго русскаго офицера — тому удалось сколотить немного денегъ на переѣздъ въ Парижъ, куда горячо клялся выписать и Диму. Въ Госларѣ они бродили по узкимъ живописнымъ улицамъ, останавливались передъ древними домиками съ выцвѣтшими фризами, которыми любовался всегда Гейне, долго стояли передъ накупившимся темнымъ „домомъ Ахтермана“, съ сѣдыми башенками, и далеко видною надписью на одной изъ старыхъ стѣнъ: „Нашъ позоръ, ихъ версальскій договоръ“. потомъ сидѣли въ обшитомъ рѣзнымъ дубомъ

сводчатомъ залѣ, гдѣ сиживалъ Листъ, Гете, именитые французскіе эмигранты, позднѣе Гейне и Бисмаркъ . . . Здѣсь Дима съ своимъ товарищемъ пили пиво и, стѣсняясь своихъ затрапезныхъ куртокъ, своихъ цвѣтныхъ рубашекъ и пыльныхъ башмаковъ, оглядывали нарядную, шумную публику — иностранцевъ и нѣмцевъ, наполнявшихъ залъ. Было нѣсколько человѣкъ, молодыхъ еще съ болтавшимся справа или слѣва рукавомъ, кое-кто на костыляхъ—жертвы войны. Было нѣсколько женщинъ въ траурѣ. Отъ сосѣднихъ столиковъ, заставленныхъ явствами, бутылками, серебряными ведерками, долетали отрывки перекрестныхъ разговоровъ — и міровая катастрофа, и невыносимые налоги, такъ дольше нельзя . . . На пальцахъ, поднимавшихъ хрустальныя рюмки, сверкали камни, голоса заказывавшіе предупредительно наклонившимся гарсонамъ въ фракахъ, звучали увѣренно и властно, на женщинахъ шуршали шелка, звенѣли браслеты и подвѣски. Дима съ товарищемъ смотрѣли, слу-

И. И. Левитанъ

„Дорога“

лѣвая отъ тепла, отъ духоты, тихо улыбался... Голова его кружилась.

Когда отодвинулся отъ рампы экранъ, оркестръ заигралъ что то тягуче-томное, зрители подтянулись, насторожились. Выпрямился, поддался впередъ и Дима. На сцену выбѣжала изъ за красной бархатной занавѣски русская танцовщица, Ксенія и вслѣдъ за нею ея обозначенный звѣздочками кавалеръ. На ней были три расшитыхъ блестками оранжевыхъ оборки, и двѣ черныхъ бархотки, переплетавшихся на голой груди и на голой спинѣ. Партнеръ ея въ черномъ трико, перепоясанный алымъ шелковымъ шарфомъ вскинулъ ее въ воздухъ, и, заболтавъ голыми ногами, разметавъ руки крыльями, русская танцовщица играя глазами, улыбаясь, мотая завитою стриженной головой, изогнулась, и повисла на локтѣ партнера, прыгнула на полъ, и не успѣла сдѣлать

двухъ па, какъ опять подхватилъ ее кавалеръ, и показалъ ее съ другой стороны, въ другой позѣ, смѣлѣе и безтыжѣе...

Солдаты, сидѣвшіе впереди Димы, заерзали, наклонялись другъ къ другу, перешептывались... Дима, вытянувшись, черезъ ихъ головы смотрѣлъ, стиснувъ зубы...

Дѣвушку одну, сестру милосердія въ Россіи, на фронтѣ, чье имя лишь разъ, въ ночной бесѣдѣ съ матерью рѣшился назвать, воскресила передъ нимъ эта танцовщица Ксенія. Меньше ростомъ, полнѣе, моложе... но то же лицо, тѣ же глаза, тѣ же губы, оскверненныя заученной развратной улыбкой. Что партнеръ ея, длинноногій, съ вывороченными въ стороны колѣнями, прямой, какъ доска, съ холоднымъ породистымъ сѣроглазымъ лицомъ, бывшій русскій офицеръ, кавалеристъ, Дима зналъ, едва на него взглянулъ.

Онъ прикусилъ нижнюю губу, прищурился, старался вспомнить, гдѣ видалъ, гдѣ встрѣчалъ... Въ тотъ мигъ, когда танцоръ, изображавшій охотника, перекинулъ Ксенію, добычу, черезъ плечо, и отставшія оборки обнажили ее всю до пояса, два солдата, сидѣвшіе рядомъ съ Димой, захохотали, одинъ чмокнулъ губами, сочное одобрение, въ которомъ Дима понялъ одно лишь слово „gusse“... вылетѣло вмѣстѣ съ брызгами слюны изъ ихъ лоснившихся отъ удовольствія губъ. . И въ слѣдующій мигъ оба испуганно обернулись на вопль, раздавшійся тутъ же, подлѣ нихъ. Танцовщица, соскользнувъ съ спины парт-

нера, убѣжала за занавѣску, палочка дирижера задержалась въ сине-дымномъ воздухѣ. Служащіе въ ливреяхъ бросились къ дергавшемуся въ истерическомъ припадкѣ зрителю и вывели изъ зала. Опять заиграла музыка, опять выпорхнула на сцену Ксенія въ трехъ желтыхъ оборкахъ.

Полицейскіе, добивавшіеся адреса отъ не-пріятнаго зрителя, едва не вызвавшего панику своимъ дикимъ воплемъ, раздраженно пожимали плечами и ругались. „Я не хочу“ — такой улицы на планѣ Парижа не значилось.

А. Даманская

П. АВДѢВЪ

МЫШИ ГРЫЗУТЪ ФОЛІАНТЫ...

Мыши грызутъ фоліанты...
 Мыши грызутъ гобелены...
 Плачутъ въ гостинной куранты...
 Думаютъ бѣлыя стѣны... —
 Думаютъ зимнія думы
 Подъ оснѣженною крышей...
 Смутные шорохи — шумы
 Тише, все тише... и тише...
 Дрема ползетъ изъ потемокъ...
 Сумерки гуще нависли...
 Тихо мурлычетъ котенокъ...
 Тихія нижутся мысли...

Вдругъ: — „А скажи-ка мнѣ, няня:
 Плачетъ ли въ гробѣ покойникъ?..“
 Спицею палецъ израня,
 Дрогнулъ старушій повойникъ...
 Дрогнули искры въ каминѣ, —
 Тѣни метнулись за вспышкой...
 — „Няня, — ты слышишь? — скажи мнѣ:
 Плачетъ ли мертвый подъ крышкой!..“

 Мыши грызутъ фоліанты...
 Мыши шуршатъ въ гобеленахъ...
 Въ бѣлыхъ прадѣдовскихъ стѣнахъ
 Жалобно стонутъ куранты...

П. Авдѣевъ

И. И. Левитанъ

„Остатки былого“

Н. Н. ДЕВИТАРЪ

„БОЛЬШАЯ ДОРОГА“